

Николай Златовратский

Сироты 305-й версты

Николай Златовратский
Сироты 305-й версты

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Сироты 305-й версты / Н. Н. Златовратский — «Public Domain»,
1911

«Наступала весна: конец нашим зимним скитаниям по скверным столичным квартирам. Я, как скворец, ежегодно с первыми весенними лучами отправлявшийся в долгий перелет по стогнам и весям деревенской России для освежения духовного и подкрепления телесного, объявляю своим присным, что пора нам двинуться в путь...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Николаевич Златовратский

Сироты 305-й версты¹

* * *

Наступала весна: конец нашим зимним скитаниям по скверным столичным квартирам. Я, как скворец, ежегодно с первыми весенними лучами отправлявшийся в долгий перелет по стогнам и весям деревенской России для освежения духовного и подкрепления телесного, объявляю своим присным², что пора нам двинуться в путь.

Все готово! В мелочную лавочку и за квартиру заплачен последний долг; ребятки вот уже две недели как не хворают; жена чуть-чуть вздохнула после бессонных ночей, сплошь переполненных заботами о детях, о работе, о долгишках, о голой необеспеченности... Да, бывали тяжелые минуты! Но зато у нас было великое сокровище, которое мы, путем этих лишений, насколько могли, охраняли как зеницу ока: это была свобода духа и свобода перелета, и мы могли не быть рабами, прикованными к колеснице какого-либо господина...

Итак, едем! «К Сидорычу, папа, к Сидорычу! Мы у него не были уже два года!» – категорически заявляют мои скворчата. К Сидорычу? Гм... не близкое место... Но скворчата, уже привыкшие к ежегодным весенним перелетам, ничего не имеют против почти недельного путешествия по водяным и сухопутным путям сообщения, ведущим в царство Сидорыча и ему подобных... К Сидорычу так к Сидорычу! Четыре-пять суток от Петербурга – и перелет совершен, и мы уже переброшены далеко за великую русскую реку и благодушно устраиваемся в первый же ночлег на покрытом соломой и валеными кошмами полу огромной избы заволжского села. А на другой день, почти с первыми лучами яркого весеннего солнца, мои нетерпеливые ребятки уже тащат меня вместе с собой к резиденции Сидорыча...

Мы очень любили Сидорыча. Это был просто старый отставной солдат, еще в молодости защищавший Севастополь, добродушно суровый и исполнительный на службе, философ-юморист в жизни, вечный герой и нищий по судьбе, проходивший свою жалкую жизненную карьеру с тем же героизмом, с каким он некогда стоял на Малаховом кургане, – старый служака с седыми щетинистыми усами, служивший теперь сторожем на будке 305-й версты заволжской железной дороги.

Отправляться почти ежедневно за полверсты от деревни, на линию, к «шламбою», около которого в небольшой будке жил Сидорыч, было величайшим удовольствием моих ребяток. Его «усадыба», как звал он свою будку с примыкавшим к ней огородом в пять квадратных сажен, была действительно прелестным местечком: сама будка стояла на краю резерва пути, и маленький огород, украшенный «по-хохлацки» (как всегда объяснял сам Сидорыч) махровым маком, мальвой и подсолнечниками, упирался в край оврага, поросшего кустарником; на дне этого оврага струилась, немолчно журча по мелким камням, маленькая речка, как змейка, игриво проскользавшая в каменный туннель под полотном дороги. По другой стороне оврага густо разрослась березовая рощица – наш любимый приют в тихие, теплые дни. Здесь, сидя на высоком береговом мыску, я любил смотреть на родной пейзаж, с овражками, долинками и перелесочками, чередовавшимися полосами озимых и яровых полей, с видневшеюся вдали улицей села, с расстилавшейся за ним безграничной приволжской поймой, усеянной озерами; а мои ребятки вместе с несколькими деревенскими сверстниками в это время копошились внизу у оврага, у глубоких бочагов речки, в которых ходили стайками окуньки и ерши.

² *Присный* – истинный, настоящий, вечный; единомышленник. *Люстриновый* – сделанный, сшитый из люстрина, шерстяной или полушерстяной ткани с гляncем.

Здесь-то и свели мы первое знакомство с Сидорычем, который считал себя полновластным владыкой не только своего двухверстного «околотка», но и всех ближайших мест, которые примыкали к нему. Особенно так называемый резерв (или «лезерв», как называл Сидорыч) он считал прямо-таки неприкосновенным для обычных смертных и должен был по этому случаю выдерживать бурные столкновения с деревенской молодежью во время урожая ягод и грибов, когда она безжалостно топтала его покосы. Таким образом, прежде чем рассчитывать наслаждаться поэтической прелестью этого милого местечка, носившего казенное название «305-й версты», необходимо было заручиться расположением Сидорыча, что, впрочем, не представляло особенного затруднения: стоило только в принципе признать его власть над всем этим железнодорожным «уделом» и побеседовать с ним «по душам», сидя на лавочке около будки, чтобы размягченный старик, большой любитель всяких бесед, тотчас же не только великодушно уступил в ваше пользование все поэтические прелести своих владений, но и сам принял самое деятельное участие в организации всякого рода «удовольствий». Вместе со своей маленькой тринадцатилетней Катенкой, тоненькой, жиденькой черноволосой девочкой, с темно-кариками, какими-то пугливо-резвыми глазенками, прыгавшей, как козленок, в полинялом сарафанчике, едва доходившем ей до колен, он ставил нам в рощице самовар, разводил костер и делал яичницу или варил в котелке раков, а иногда и уху из ершей, которых тут же налавливал. Я же, с своей стороны, не забывал прихватить для старика скляночку «горилки» (как любил он иногда говорить «по-хохлацки», вспоминая свои военные посты в Украине) и «ведомости» – две вещи, к которым он из всех «пустяков», служащих для соблазна и удовольствия людей, чувствовал особенную слабость, конечно не забывая искони излюбленной махорки.

И вот теперь, когда спустя три года после нашего первого знакомства с Сидорычем, мы опять приехали в эти знакомые места, мы снова застали его на том же посту, тем же неизменным владыкой крохотного железнодорожного «удела».

Сидорыч встретил нас по-прежнему, как старых знакомых, радушно, по-видимому, даже обрадовался. За эти три года, как мне показалось, он не только не подряхлел, но, напротив, как будто стал сановитее, «подтянулся», а волосы на голове и усах стали как будто даже чернее. Он теперь был «при полной форме»: в новой форменной фуражке и синей блузе, подпоясанный кожаным поясом, на котором висели свернутые флаги, с длинным молотком в руке. После обычных радужных приветствий он присел к нам на излюбленный нами мысок.

– Погоди, уж вечером свободен буду. Освобожусь от дежурства, тогда мы с вами тут по-настоящему разгуляемся. Теперь я, вишь, в очередь на дистанцию собрался, – говорил он.

– Кто же у тебя здесь остается? Как твоя Катенка?

– Катена-то? – поправил он меня. – Катена у меня теперь хозяйствует... Катена у меня теперь – девка в полной форме... Катену вы и не узнаете... Теперь она на деревню ушла.

– Что же, она за тебя здесь остается?

– Нет. Это еще ей пока по молодости не положено.

– Кто же при тебе еще?

– При мне-то? А жидок... Али вы, может, его не знаете? При вас, в ту пору, его, пожалуй, не было еще. Вон дудит... слышите? Хорошо играет, собака...

Действительно, мы еще раньше слышали как будто откуда-то издалека долетавшие нежные звуки флейты, на которые мы раньше не обратили особого внимания.

– Так это он играет?

– Он... Хорошо играет... Известно – жид, это им уж от натуральности дадено. Другой раз, собака, до слез проймет... А ничего – малец добрый, складный... Худого не скажу... Обходительный... Вот под команду ко мне прислали. Покалечило его здорово, под поезд на станции попал, – служил он там. Ну, его сюда ко мне и сослали под начал... Баба мне должна бы полагаться... Ну, а как бабы у меня нет, вот и прислали, значит, как бы замест доподлинной

бабы... Ничего, я им доволен. Обходительный малец... Я вот ему неравно скажу: коли что вам понадобится, он сейчас, с удовольствием...

– Абра-ам!.. Абра-амко!.. – закричал Сидорыч. – Не слышит, пес... Абрамчук!.. Не слышит, жиденок... Ну, я пойду сам скажу ему... Идти мне надо. А вы разгуливайтесь здесь на здоровье...

Сидорыч ушел куда-то за будку, и скоро флейта замолкла. Несколько минут спустя я увидел медленно подвигавшуюся к нам фигуру на деревяшке вместо правой ноги, опиравшуюся на толстую палку. Перейдя речку по полотну, она остановилась недалеко от мыска, где я сидел, и, сняв шапочку, поклонилась, слегка кивнув головой. Это был еще совсем молодой человек, почти юноша, с своеобразно красивым лицом еврейского типа, обрамленным маленькой кудрявой черной бородкой, с немного сгорбленным носом и большими темными глазами, слегка подернутыми туманным налетом, под густыми ресницами, с тем робко-мечтательным выражением, которое часто встречается у музыкантов. Он был в стареньком, порыжелом на спине, легком люстриновом пиджачке и такой же шапочке с комической шишечкой на макушке.

– Здравствуйте, – сказал я.

Он снова левой рукой снял шапочку, мотнул головой и молча улыбнулся пухлыми розовыми губами.

– Вы – Абрамчук?

– Да-с, Абрамсон я... Это старичок меня так прозвал Абрамчуком... А я – Абрамсон, – проговорил он мягким гортанным голосом с чуть заметным жаргоном и опять с молчаливой улыбкой продолжал смотреть на нас.

– Садитесь с нами, – предложил я.

Слегка смуглое лицо его почему-то вспыхнуло румянцем; он сделал неторопливо несколько шагов и осторожно присел на пенек, продолжая смотреть на нас робким, мягким, улыбающимся взглядом.

С первого раза он мне очень понравился: в нем было что-то деликатное, располагающее к нему и вместе с тем благодаря, вероятно, отрезанной ноге невольно вызывавшее к нему сострадание. Одно только в нем было для меня загадочным – его мягкий, нежный, уж как-то чересчур ласкающий взгляд темно-бархатных глаз, в глубине которых, однако, таилось что-то такое, чем он, по-видимому, вовсе не желал делиться со всяким встречным.

– Вы давно здесь? – спросил я.

– Два года... После того как отрезали мне ногу.

– Как же это случилось?

– Я служил на станции. Была ночь, большая выюга, очень сильная выюга. Подходил поезд... Уже видны были огни... Вдруг господин начальник станции заметил, что первая стрелка стоит неправильно... или показалось так ему... он кричал мне, чтобы я бежал смотреть стрелку... Я бежал. Выюга била мне в лицо снегом... Я бежал к стрелке, – она стояла верно... Я хотел крепче держать ее за рычаг... Я протянул руку, но ветер меня сшибал... Я поскользнулся... Поезд проезжал мою ногу...

Абрамчук говорил неторопливо и хладнокровно; ему, по-видимому, наскучило уже передавать бесчисленное количество раз одно и то же.

– Ну и что же? Наградили вас чем-нибудь?

– Мне отрезали ногу... Я лежал два месяца в больнице... Потом мне сказали: «Тебе, Абрамка, надо ходить в отставку... Вот тебе пятьдесят рублей в пособие – и иди, куда желаешь...» Куда я мог желать идти? У меня уже не было ни отца, ни мать, ни брат, ни сестра... Я был один... Я плакал... Тогда господин главный начальник дистанции сказал: «Пошлем его, господина, на триста пятую версту; там один старик без бабы; пусть он будет при нем вместо бабы...» И меня послали к старичку...

– Только этим-то вас наградили?

Абрамчук пожал с улыбкой плечами.

– Господин главный начальник говорил: «Ты никого не спас. Стрелка стояла правильно... Когда бы стрелка стояла неправильно и ты бы перевел ее как следует, тогда мы благодарили бы тебя по-другому».

– Что же вы на них не жаловались? Ведь вы же все одно остались калекой на всю жизнь, без ноги, не по своей вине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.